

Какаши еще в тот момент, когда Годжо Сатору начал позориться, вспомнил их с Обито давний спор.

Тогда он, пусть и говорил о другом, тоже почти сравнил собеседника с грязью под ногами.

Обито в те дни был не столь мягок, как он сам теперь, но тоже действовал напролом, а еще — размахивая руками и ногами, завязывал с ним дружеские спарринги по тайдзюцу, оставив у Какаши неизгладимое впечатление.

Видя нынешнего Годжо Сатору, Какаши поймал себя на странном чувстве, словно он смотрит на самого себя в детстве...

Этот человек, казалось, отталкивал его, отвергал любую проявленную к нему заботу, норовил оттолкнуть протянутую руку и каждый день думал лишь о том, как хорошо было бы остаться одному, чтобы никто к нему не лез, чтобы всё было именно так.

Однако в глубине души всё обстояло совершенно иначе: тот отчаянно сопротивлялся, желая вырваться из топи, жаждая, чтобы кто-нибудь понял его и позаботился о нем... У них было слишком много общего, но Какаши оказался куда проницательнее Годжо Сатору, наделенного Шестью Глазами.

И дело было вовсе не в том буквализме, который давали Годжо Шесть Глазов, а в том, что он лучше понимал самого себя и сумел примириться с собой.

Какаши вздохнул. Долгое время он и сам был точь-в-точь как Годжо Сатору, разве что еще чуточку опаснее...

Глядя на стоявшего перед ним молодого человека, Какаши даже нашел забавным это выражающее сплошное отторжение лицо, на котором было написано: я — чистое зло.

Настоящий ребенок, который в сердце своем отчаянно вопил: «Не оставляй меня!». Какаши словно слышал, как Годжо в глубине души истощно молит о том, чтобы он не бросал его.

Не раздумывая долго и даже без всяких на то причин, Какаши ощутил острую, настойчивую потребность — импульс, какого он не испытывал с тех самых пор, как стал ниндзя: желание ни за что не отпускать этого человека.

— ...А тамошний проклятый дух из-за того, что я вовремя его не изгнал, мог превратиться в нечто куда более опасное, и даже навредить другим шаманам, так что я и впрямь законченный злодей...

Прямота Какаши застала Годжо Сатору врасплох. Сам он даже не заметил, насколько сильно покраснели его уши на фоне белых волос. Сердце уже трепетало, но язык по-прежнему упрямо

нес чепуху.

Ощущение на макушке было странным — совсем не похожим на то, когда в Магическом техникуме Яга стучал его по голове. Если бы его спросили, он бы пожелал, чтобы Какаши погладил его еще... Нет, стоп, погодите-ка! Разве он сейчас не собирался расставить все точки над i? Как его занесло так далеко?

Годжо отчаянно захотелось сорвать повязку с глаз — не полагаясь на восприятие, а глядя этими самыми глазами на стоящего ниже него Какаши. Ему хотелось собственными глазами убедиться, что у Какаши на уме.

Иными словами, тепло, которым одарил его Какаши, нагрянуло слишком быстро, подобно тайфуну. Годжо Сатору, чей опыт в подобных делах равнялся нулю, просто не выдержал такого натиска.

— Ты — злодей? — усмехнулся Какаши. — Если Годжо-сан злодей, то проклятые духи, выходит, добрые ангелы?

Если подумать... Годжо припомнил, как о нем отзывались некоторые разумные проклятые духи особой степени. — Ну, вообще-то находились те самые особые степени, которые изо всех сил старались меня запечатать... Но ведь я сильный.

— Это говорит лишь о том, что тебе не плевать на всё, — мягко произнес Какаши. Он сам протянул руку и сорвал с лица Годжо повязку. — Никакого равнодушия или попустительства, лишь взвешивание всех за и против ради... самого оптимального решения?

Годжо окаменел, пока Какаши сдергивал импровизированную занавеску с окон его души. Теперь их души смотрели друг на друга напрямую.

Единственный открытый глаз Какаши встретился взглядом с двумя глазами Годжо, и тот почувствовал, что вслед за аритмией у него, пожалуй, случится остановка сердца, или же оно начнет стучать как безумное, а тело бросит то в ледяной озноб, то внезапно в жар.

Интересно, Сёко лечит такие болезни?

Какаши просто считал, что прямой зрительный контакт сделает беседу более осмысленной, иначе ему казалось, будто он разговаривает с деревянным чурбаном.

— Сразу оценивать уровень проклятого духа, а затем позволить ученикам заняться его изгнанием ради набора опыта... По-моему, Годжо-сан в этом плане куда лучше рядового преподавателя, — совершенно искренне заявил Какаши.

Это было точь-в-точь как тогда, во время их первого выхода за пределы селения с седьмой

командой, когда они наткнулись на ту лужу. Ее нарочно замаскировали под след от смертельного ранения, чтобы быстро погрузить троицу в состояние, подобающее настоящим ниндзя.

Какаши продолжил: — Хотя ученики и несовершеннолетние, и их должны защищать крылья взрослых, лично я предпочитаю позволить им самим прочувствовать боль от раненых крыльев.

Чистая правда... И в сердце он думал ровно о том же... Мозг Годжо Сатору крутил и крутил эти две фразы.

Он слегка опустил голову, глядя на прищуренные глаза Какаши, изогнутые подобно ночным полумесяцам.

Спустя три секунды он с непреклонной, жесткой силой притянул Какаши прямо в свои объятия — так крепко, словно хотел вплавить того в собственное тело.

В тот самый момент, когда его обняли, рука Какаши уже легла на подсумок для ниндзя, но стоило чужой голове уткнуться ему в плечо, как пальцы разжались.

Сила хватки Годжо оказалась чрезмерной, и Какаши, чувствуя, что ему немного не хватает воздуха, даже подумал, что у него сейчас спина переломится.

«...Эх...» — Какаши поморщился. Рука, висевшая вдоль тела, посомневавшись пару секунд, легла на спину парня.

Какаши чуть запрокинул голову, освобождая нижнюю часть лица из-под плеча Годжо Сатору. Маска зацепилась и съехала, обнажив половину его лица, зато Какаши сразу почувствовал, что дышать стало намного легче.

— Так что, Годжо-сан, поведаешь мне что-нибудь об этом детском доме? — лениво поинтересовался он.

Если бы не мысли о самом приюте, он бы и вовсе решил, что пришел сюда признаваться в чувствах.

— ...Зови меня по имени, — раздался глуховатый голос. — Называй меня по имени, ладно? — повторил тот.

От вибрации чужого голоса шею Какаши приятно щекотало. — Ты что, и впрямь трехлетний ребенок? — с усмешкой Какаши похлопал Годжо по крепкой спине.

— Выкладывай всё, что знаешь... Сатору. — Какаши намеренно понизил голос.

Японское произношение слова, созвучного по звучанию с сахаром, само по себе звучало изнеженно, а слетев с губ Какаши в низком тембре и проникнув в самые уши... оба находившихся здесь человека вдруг почувствовали, что дело приняло какой-то нездоровый оборот!

Годжо Сатору: Какаши — мастер прямолинейных ударов! Специально меня соблазняет! А-а-а!! Не вывезу, не вывезу!

Какаши: Почему это имя... звучит так странно?!

А неподалеку от них Сугуру Гето, скрывавший свое присутствие и подглядывающий за ними, услышав их взаимные признания, на секунду потерял контроль над собой и выдал свое присутствие.

Оба беловосая парня мгновенно пришли в себя. Опередив Годжо, который смотрел на всё глазами, Какаши метнул сюрикен из подсумка прямо в ту сторону.

— Простите-простите... — проклятый дух Сугуру Гето перехватил это оружие за хозяина, всадив клинок прямо в соседнюю бетонную стену. — Давно не виделись, Сатору, Какаши.

Сугуру Гето был облачен в даосское халатоподобное одеяние, а его волосы были собраны в простой пучок. Словно какой-то религиозный фанатик, он вышел из тени навстречу лунному свету, протянул руку и, стоя неподалеку от двух беловолосых, легко помахал Какаши и Сатору.

Сугуру Гето: Вообще-то я планировал просто скатать этот проклятый дух особой степени в шарик, но никак не ожидал, что меня насильно накормят собачьим кормом.

Шкала совместимости: 13%.

Нынешняя сцена отдавала изрядной долей драмы ревности — эдаким любовным треугольником.

Хотя из трех участников этого спектакля лишь Какаши оказался не в своей тарелке, поскольку ничего не знал об отношениях Сугуру Гето и Годжо Сатору.

Источником всей этой драмы по большей части являлся сам Какаши. Но создавал эту жутковатую атмосферу всё же стоявший рядом с ним Годжо.

В этот момент эмоциональное состояние Годжо Сатору выглядело крайне странно, однако на лице парня не отражалось ровно никаких эмоций. Эта зловещая безмятежность заставила и Какаши, и Сугуру инстинктивно отступить на шаг назад.

Какаши: Как бы это описать... Выглядит так, будто он в следующую секунду свернет Сугуру шею.

Сугуру Гето: Мне кажется, он готов свернуть мне шею...

Годжо Сатору: Так и хочется свернуть Джецу шею...

Трое присутствующих неизменно приходили к единодушию в самых нелепых вещах.

Не зря они считались единственным лучшим другом и будущей половиной друг друга.

В каком-то смысле то, что эти трое достигали столь безупречной ментальной синхронности, даже не успев толком узнать друг друга, можно было назвать отрядным достижением.

— С чего это вы знакомы? — тихо спросил Годжо. Уголки его губ все еще кривились в подобии улыбки, но любой проницательный человек с первого взгляда понял бы: эта улыбка фальшива до предела.

— Шапочное знакомство, — первым отозвался Сугуру Гето. — Большое спасибо за тогдашнюю помощь, Какаши.

Глядя на Какаши, который всё еще не до конца во всем разобрался, Сугуру озарил его лучезарной улыбкой.

— А... — в памяти Какаши всплыл образ этого человека. — Пустяки. — Какаши почесал в затылке, а затем хлопнул Годжо по плечу.

— Хотя я и не знаю, какие у вас отношения, но я действительно встретил его в тот раз.

Заметив, что настроение Годжо по-прежнему скверное, Какаши вздохнул. — Ты же знаешь, чем я занимаюсь: я как раз искал место, где оформляют документы, и случайно наткнулся на него, ну и прикончил тех ублюдков походя.

— Верно, Сатору, — кивнул Сугуру Гето. Его монашеское облачение придавало ему некий налет неземной одухотворенности, из-за чего он походил на вербовщика какой-то таинственной секты, промышляющего промыванием мозгов.

И в то же время он выглядел как опустившийся, жалкий бродяга... По неведомой причине в голове Какаши мелькнула именно эта мысль.

— Если бы не своевременное вмешательство Какаши, то иначе... — Годжо поднял взгляд на

лучшего друга и услышал, как тот с улыбкой произносит продолжение: — ...те обезьяны, что приторговывают человеческими органами, были бы сожраны проклятыми духами.

— Торгуют человеческими органами? — Годжо уловил суть слов Сугуру, да и Какаши сперва замер, а после его лицо приняло сложное выражение.

— Какаши ведь тогда не знал, кто эти люди на самом деле, верно? — Сугуру Гето продолжил сам себе, приближаясь к ним. — Тогда почему ты все равно решил их убить?

Годжо сжал губы, не поворачивая головы в сторону Какаши. Подсознательно он не испытывал никакой ответственности за человеческие жизни, ему было все равно — убить их или отпустить.

Только вот... сейчас этот вопрос задавал Сугуру Гето, его лучший друг, стоявший по другую сторону баррикад и замысливший истребить всех людей на земле.

— Иначе меня бы убили, разве нет? — Какаши беспомощно развел руками. — К тому же я всё сделал чисто. До сих пор ведь не было новостей о пропавших без вести.

— Хоть методы и образ мыслей у тебя такие же, как у меня, но убеждения, судя по всему, из той же школы, что и у Сатору... — Сугуру озасаченно почесал уложенные волосы. — Как завидно...

— Тц, я же говорю, твои мысли — сплошная проблема... — перед лицом старого друга Годжо все же не удержался от упрека.

— Сатору, — Сугуру прервал Годжо, который собирался продолжить нравоучения. — Тебе плевать на жизни обычных людей, поэтому ты до сих пор считаешь меня другом... но ты не видел того, через что прошел я... — во взгляде Сугуру давно поселилось глубокое отвращение к миру.

Стоило ему закрыть глаза, как его встречал лишь кошмар наяву.

Сугуру уже и не помнил, когда в последний раз нормально спал.

Те темные горные деревушки со слепыми дураками, травившими девушку, уродливые физиономии бандитов впотьмах закоулков, и та девчонка на втором году обучения в Магическом техникуме, застреленная из пистолета прямо у него на глазах...

Он, глядевший смерти прямо в лицо, он, не принадлежавший к верхам общества, давно искривился и сломался в этом грязном мире.

Сквозь силу проглатывая эти проклятые духи, воняющие половыми тряпками, он ощущал струящуюся внутри проклятую энергию. Проклятая энергия, исторгаемая обезьянами, делала его все сильнее и сильнее, вызывая при этом всё большее отвращение к самому себе...

Сатору, ты так ничего и не понял. На том же месте остался ты один, а я давно уже не могу вернуться в прошлое...

Неловкая атмосфера в этот момент казалась даже хуже прежнего любовного треугольника. Годжо молча смотрел на Сугуру, время от времени моргая, чтобы доказать: его зрительные функции работали исправно.

Сугуру же встал чуть ближе к Какаши, глядя прямо в глаза Годжо, хотя время от времени все же бросал взгляды на Какаши.

Эта атмосфера... Какаши вдумчиво прислушался к ощущению дежавю.

Если обобщить: лучшие друзья со школьной скамьи, из-за неких событий Сугуру уходит, выбирая более опасный и радикальный путь. Годжо все пытается вернуть Сугуру, а тот упорствует... О, он вспомнил!

— Так вы, значит, лучшие друзья? — радостно подытожил Какаши. Вылитые Наруто с Саске, разве что способности Годжо чуточку ближе к Саске.

Тц, если подумать, они вдвоем ничем не отличаются от нас с Обито... Какаши скосил один глаз набок: что за фатальная закономерность? Или проблемные подростки всегда выбирают именно такой финал?

Прикинув это в уме, Какаши поинтересовался: — Слушайте, а когда вы раньше работали в паре, у вас случайно не было знакомой девчонки-целительницы?

— С чего ты взял? Похожа на твою ученицу? — спросил Годжо. Похоже, он полностью взял эмоции под контроль: хоть его глаза и были открыты миру, Какаши чувствовал, что Годжо успокаивается.

— В некотором роде, — прищурившись, ответил Какаши. — Вы вдвое разумнее. По крайней мере, не пытаетесь оторвать друг другу руки или ноги, да и пооткровеннее будете...

— Сатору, веришь ты или нет, — Сугуру изначально не собирался выступать в роли третьей лишней лампы, но раз уж так вышло, посчитал нужным пояснить: — Я вообще-то не планировал появляться...

Лампой подсвечивать он вовсе не напрашивался, просто опыта не хватило.

— А, я в курсе, — с безразличным видом бросил Годжо на Сугуру. — Ты просто обалдел от того нежного прозвища, которым Какаши только что меня наградил~

Теперь в осадок выпал не только Сугуру Гето, но и сам Какаши. — Я всего лишь назвал тебя по имени, какое же это прозвище?

— Назови-ка еще разок? — Годжо скорчил обиженную мину в стиле «ты меня больше не любишь». — Только что выговорил мое имя таким томным голосом, а теперь в кусты?

— ... — Рука Какаши дрогнула, и любой зрячий человек без труда угадал бы его намерения.

— Я просто хотел услышать, как ты зовешь меня Сатору... — Годжо намеренно опустил голову, обнажая уязвимую (нет) шею.

— Моя вина... — вздохнул Какаши, все же удовлетворяя просьбу напарника. — Сатору, теперь тебя всегда так называть, устроит?

Пусть это и звучало чуток странно, со временем привыкнет же...

Сугуру обреченно глянул на Годжо. Его лучший друг вечно оставался прежним, неизменно добиваясь того, чтобы планка терпимости окружающих падала всё ниже и ниже... Выходит, даже Какаши не удалось сбежать?

Но именно благодаря такому упрямцу, который вечно тащил его назад... он до сих пор не решился сделать окончательный шаг.

— Расслабься, ублюдок ты этакий. — Годжо перевел взгляд на стену детского дома. Когда дело доходило до серьезных вещей, он умел быть серьезным.

— Пусть я и не поддерживаю твой выбор, это не значит, что мы абсолютные враги. Хотя ты вечно всё прячешь за своими узкими глазками и ничего мне не рассказываешь, за столько лет я кое-что да научился угадывать.

В первый день заявляешь, что вырежешь всех обезьян, на второй за твоей спиной появляются две несовершеннолетние девчонки с явными следами побоев — тут любой дурак заподозрит неладное.

Сугуру с удивлением посмотрел на Годжо: неужели тот и впрямь шагнул вперед? И почему тогда он по-прежнему намерен защищать этих людишек?

Словно заметив недоумение Сугуру, Годжо выдал: — Люди и правда ничем не лучше обезьян, но и перебить их всех невозможно... А я, — Годжо одарил их обоих безумной, дерзкой улыбкой:

— Я обгоню Джеца, сперва заменю всю верхушку, а потом придумаю, как сделать так, чтобы шаманы раз и навсегда перестали видеть проклятия!

— ...Ого, а вот это меня впечатлило. — Сугуру моргнул. Выражение лица Годжо на мгновение напомнило ему того самого наглого и беспредельного Годжо Сатору из их совместного прошлого.

Как же здорово и через восемь лет увидеть эту знакомую улыбку Годжо.

Сугуру прищурился, прогоняя защищавшую в глазах влагу. — Не зря ты Годжо Сатору. Но, Сатору... — Сугуру перевел взгляд на Какаши. — С каких это пор в твои грандиозные идеалы затесалась любовная линия?

Оба беловолосых парня одновременно замерли, заметив это, Сугуру почувствовал, как на душе у него сделалось значительно легче.

Копившиеся годами залежи негативных проклятий разом испарились от мысли, что можно поизмываться над парочкой голубков... На душе вдруг стало так хорошо и легко!

«Выходит, они оба даже не думали в эту сторону...» — вспомнив все детали: от появления Годжо, державшего Какаши в объятиях, до «признания» Какаши, Сугуру скривил улыбку.

Давно пора было вспомнить, что Годжо Сатору — ходячая боеголовка, откуда у него мозги для романтики... И ради чего он только паялся на них так, что у самого дыхание перехватило...

Узнай об этом учитель Яга, наверняка заставил бы его смотреть, как двое беловолосых обмениваются прямыми ударами, и при этом терпеть тычки проклятых трупов в лицо.

Выходит, два единственных знакомых ему беловолосых парня — полные безнадежные идиоты в любви?

Сугуру Гето проиграл. Ему в голову вообще могло прийти, что эти двое, пока не вылезло проклятие, станут заниматься всякими срамными делами при луне. А он-то, дурак, даже видеозапись на телефоне приготовил.

И ради этого зрелища вы заставили меня расстегнуть штаны?

<http://bllate.org/book/19320/1889923>